

7. О внесении изм. и доп. в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 04.07.2003 № 95-ФЗ // Собрание Законодательства РФ, 07.07.2003. – №27. – ст. 2709.

8. Петерс П. Общие принципы распределения компетенции между федерацией и ее субъектами (сообществами и регионами) в Бельгии // П. Петерс, Федерализм в России и в Бельгии. Материалы Бельгийско-российского научного colloквиума, 4 - 5 июня 1996 г. / Под ред. Ф. Делмартино, Л. Насыровой. – Лейвен: Изд-во Ин-та европейской политики Катол. ун-та г. Лейвена, 1996. – 342 с.

Sharmoyants A. About the model of dividing the power between the federal authorities and the subjects of the Russian Federation // Scientific messages of Crimean Federal University the name of V. I. Vernadsky University. – Series: Juridical sciences. – 2016. – Vol. 2. № 1. – P. 144 – 150.

In the work the research is made on the model of the dividing the powers between the federal bodies of state power of the Russian Federation and the subjects of the federation, as well as international experience in this field. The possible options for improving the model of division the powers are analyzed. The institution of the exclusive powers of the Russian Federation, which is similar to that which exists in Belgium in the form of reserved powers of the central authorities. In Belgium, the exclusive powers are also an integral part of the competence of the state, which may not encroach the authorities of the federation (regions) in accomplishing its legislative competence.

Keywords: joint competence, territorial-state structure, division of powers, occupied legal field, legal field, advancing legal regulation, subjects of the Russian Federation.

References

1. Anisimov A. P., Melihov A. I. Problemy razgranichenija sovmestnyh predmetov vedenija Rossijskoj Federacii i ee subektov, A. P. Anisimov, Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. No. 1. pp. 45 - 50.
2. Kondrashev A. A. Sovremennye problemy i perspektivy razgranichenija predmetov vedenija i polno-mochij v Rossijskoj Federacii, A. A. Kondrashev, Gosudarstvo i pravo v uslovijah globalizacii: problemy i perspektivy: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (22 - 23 aprelja 2004.). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom UrPOA, 2005. pp. 90 - 91.
3. Chursina E. V. Razgranichenie polnomochij mezhdru organami gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii i ee subektov po predmetam sovmestnogo vedenija. Konstitucionno-pravovoe issledovanie, E. V. Chursina, Uchebnoe posobie. M.: MZ PRESS, 2006. 208 p.
4. Habrieva T. Ja., Chirkin V. E. Teorija sovremennoj konstitucii, T. Ja. Habrieva, V. E. Chirkin, M., 2005. 320 p.
5. Konstitucija Rossijskoj Federacii ot 12. 12. 1993., M.: Jurid. lit., 1993. 96 p.
6. Studenkina M. S. Nekotorye problemy pravotvorchestva sub#ektov Rossijskoj Federacii, M. S. Studenkina, Zhurnal rossijskogo prava. 1997. No. 1. Pp. 61- 62.
7. О внесении изм. и доп. в ФЗ «Об обshhих principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii» ot 04.07.2003 № 95-FZ, So-branie Zakonodatel'stva RF, 07.07.2003. No. 27. art. 2709.
8. Peters P. Obshhie principy raspredelenija kompetencii mezhdru federaciej i ee sub#ektami (soobshhe-stvami i regionami) v Bel'gii, P. Peters, Federalizm v Rossii i v Bel'gii. Materialy Bel'gijsko-rossijskogo nauchnogo kollokviuma, 4 - 5 ijunja 1996. Pod red. F. Delmartino, L. Nasyrovoj. Lej-ven: Izd-vo In-ta evropejskoj politiki Katol. un-ta g. Lejvena, 1996. 342 p.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 319.711

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ ПРИ
МОШЕННИЧЕСТВЕ**

Григорьев А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе проанализированы мнения российских и украинских исследователей уголовного права о месте «злоупотребления доверием», как способа совершения мошенничества, в структуре нормы уголовного законодательства, предусматривающую ответственность за совершение указанного преступления.

Автор согласен с мнением тех исследователей, что если доверие было вызвано с помощью обмана – то это необходимо признавать как совершение преступления путем обмана и охватывается признаками мошенничества. Случаи, когда потерпевший проявляет доверие без применения обмана со стороны преступника, и он, злоупотребляя доверием им, завладевает имуществом или правом на имущество – необходимо исключить из состава мошенничества и выделить в самостоятельный состав преступления против собственности в отдельную норму (отдельную статью или часть ст. 159) уголовного кодекса – «злоупотребление доверием».

Ключевые слова: мошенничество, обман, злоупотребление доверием, уголовное законодательство.

Особая роль в преступлениях против собственности отводится мошенничеству. Несмотря на то, что, по мнению исследователей электронного журнала «Экономическая преступность сегодня» за 2007 – 2013 годы мошенничество стоит на втором месте (на его долю приходится около 20 процентов совершенных экономических правонарушений) [1], следует отметить, что этот показатель все же не воспроизводит реального положения вещей. Причиной этого, по нашему мнению, является несовершенство нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за данный вид преступления, в частности хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем злоупотребления доверием. Это является и причиной возможности искусственного возбуждения уголовных дел по надуманным причинам, а также отказом в возбуждении уголовных дел. Указанный вид преступления характеризуется высоким уровнем латентности. Большое количество случаев совершения мошенничества не попадает в статистическую отчетность правоохранительных органов по причине ошибочной квалификации и отказа в возбуждении уголовных дел вследствие отсутствия в деяниях состава преступления.

Несмотря на то, что Федеральным Законом Российской Федерации № 207 – ФЗ от 29.11.2012 г. в уголовное законодательство были введены новые шесть «специальных» составов преступления мошенничества (ст.ст. 159-2 – 159-6 УК), за последние 28 лет ст. 159 УК «мошенничество» лишь незначительно подверглась

изменению. Норма уголовного законодательства Украины (ст. 190 УК), предусматривающая ответственность за мошенничество, по структуре аналогична ей.

Уголовно-правовые и криминологические особенности мошенничества в свое время были предметом исследований целого круга российских и украинских ученых (А. Безверхов, А. Бойцов, Г. Борзенков, Л. Иногамова-Хегай, И. Клепицкий, С. Кочои, Г. Кригер, Б. Матышевский, К. Михайлов, Б. Никифоров и др.). Несмотря на то, что в Постановлении Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 злоупотребление доверием при мошенничестве определено, как «использование преступником доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам», ученые так и не пришли к единому мнению содержания понятия «злоупотребление доверием» по сравнению с характеристикой «обмана», другого способа совершения преступления. По нашему мнению, эти вопросы к настоящему времени не получили своего достаточно четкого и всестороннего освещения. Опубликованные за последние годы научные статьи по данной проблеме не решили этот вопрос, и их авторы каждый по своему толкует «злоупотребление доверием», обосновывая свой взгляд, и в какой-то мере правы.

Большинство ученых (Г. Кригер, П. Матышевский, С. Петров, Е. Шибанова и др.) считают злоупотребление доверием одним из видов обмана, который заключается в использовании виновным особых, основанных на доверии, фактических и юридических отношений с лицом, владеющим имуществом, «обман в доверии» [2, с. 74; 3, с. 53-54]. С утверждением о тождестве обмана и злоупотребления доверием не согласны другие исследователи (А. Бойцов, С. Кочои, Б. Никифоров, К. Попов и др.), которые считают, что эти понятия не идентичны, что злоупотребление доверием не является разновидностью обмана и не связано с введением потерпевшего в заблуждение. Обман и злоупотребление доверием упоминаются как отдельные способы совершения мошенничества [4, с. 406, 5, с. 176; 6, с. 130].

Несмотря на то, что в литературе некоторые авторы (в частности, И. Клепицкий) высказывают мнение о том, что признание злоупотребления доверием, как самостоятельного способа совершения мошенничества, вносит только путаницу, мы поддерживаем позицию второй группы исследователей, поскольку в противном случае, как правильно подчеркнул К. Попов, как минимум теряется смысл формирования законодателем состава преступления, предусмотренного соответствующей нормой уголовного законодательства, в которой обман и злоупотребление доверием упоминаются как отдельные способы совершения мошенничества [6, с. 129]. Даже в диспозиции ст. 159 УК между вышеуказанными понятиями содержится частица «или», то есть законодатель дает возможность понять, что мошенничество может совершаться или «обманом» или «злоупотреблением доверием».

Однако, действительно такое законодательное разграничение не является единственным аргументом в пользу указанной позиции. Стоит отметить, что обман и злоупотребление доверием как способы совершения мошенничества настолько тесно связаны между собой, то есть переплетаются, что в большинстве случаев провести границу между ними очень сложно, их трудно отделить друг от друга.

Отношения доверия могут лишь облегчить использование обмана для осуществления преступного намерения. Без них успешное применение обмана для завладения имуществом было бы невозможным. При злоупотреблении доверием, как и при обмане, виновный вводит в заблуждение потерпевшего относительно своего действительного намерения по поводу имущества и последний, будучи введен в заблуждение или ошибаясь по поводу доверительных отношений, сам передает имущество виновному.

Мы согласны с мнением указанных исследователей, обман и злоупотребление доверием могут выступать как самостоятельные способы мошенничества, так и в сочетании. Чаще всего злоупотребления доверием при мошенничестве выступает в сочетании с обманом, эти два способа совершения уголовного преступления сочетаются друг с другом. Как правило, мошенник пытается установить доверительные отношения с жертвой именно для того, чтобы было легче осуществить обман, в связи с чем, правоохранные органы в процессуальных документах указывают одновременно на оба способа совершения инкриминируемого виновному хищения, не пытаясь даже их разграничить. Неопределенность в разграничении обмана и злоупотребления доверием существует еще и потому, что, по мнению С. Петрова сравниваются разные понятия. Обман – это способ хищения, а доверие – это условие. Эти понятия несопоставимы, поскольку построены на различных логических основаниях [3, с. 53-54].

Поскольку обман и злоупотребление доверием разные по своей специфике способы деятельности, их неудачное, неправильное разграничение может привести к значительным недоразумениям в деле исследования, характера взаимного поведения преступника и потерпевшего. К злоупотреблению доверием относятся, например, такие действия, как осуществление посреднических услуг по приобретению товаров без намерения выполнить свои обязательства; получение предоплаты по договорам купли-продажи, поставки без намерения выполнить свои обязательства (первое и второе составляют более 60 % от общего числа мошенничеств); заключение договора займа без намерения отдать долг (около 13 %) и т.д.

Доверие – это вера в честность, добропорядочность, искренность, хорошие намерения другого человека. Мы согласны с мнением исследователей, что когда доверие было вызвано с помощью обмана преступником, то действительно злоупотребление доверием связано с обманом. Когда потерпевшая сторона проявляет доверие без применения обмана со стороны преступника, и он, злоупотребляя им, завладевает имуществом или правом на имущество, в данном случае потерпевший не находится под влиянием заблуждения, он выходит из действительного понимания ситуации [4, с. 406].

Необходимо согласиться с точкой зрения тех исследователей, что в этих случаях (злоупотребление доверием без обмана) преступный умысел на завладение имуществом должен возникать уже после передачи имущества или прав на него. В этом случае при завладении чужим имуществом или правом на него виновный использует особые доверительные отношения, сложившиеся между ним и собственником или владельцем имущества еще до появления у первого из них преступного умысла. То есть мошенник использует уже существующие доверительные отношения с потерпевшим, в результате чего для извлечения

имущества или приобретения права на имущество не надо прибегать еще и к обману. При этом пострадавший при осуществлении имущественных действий и предоставления имущественных полномочий выходит из действительного понимания ситуации, не находясь под влиянием заблуждения.

Такие отношения могут возникать вследствие личного знакомства, родственных или дружеских связей, рекомендаций других лиц, внешней обстановки гражданско-правовых или трудовых отношений, социального статуса виновного или других лиц и тому подобное. В противном случае имеет место обман относительно действительных намерений преступника, поскольку, скрывая свои намерения в момент получения имущества (пассивная форма обмана), мошенник тем самым вводит в заблуждение потерпевшего.

Несмотря на то, что вышеуказанная точка зрения противоречит решению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51, который считает, что цель завладения чужим имуществом при злоупотреблении доверием должна предшествовать заключению какого-либо обязательства и передачи виновному имущества потерпевшего (п. 5 Постановления) [7, с. 372], она имеет право на существование. Кроме того, необходимо заметить, что этим решением Пленума, не прямо, а косвенно исключается самостоятельно (без обмана) применение злоупотребления доверием при мошенничестве, а указанные случаи можно трактовать как завладение имуществом путем не злоупотребления доверием, а присвоением вверенного виновному имущества и наоборот, рассматривать злоупотребление доверием не как способ завладения чужим имуществом или приобретения права на имущество (мошенничество), а как способ присвоения вверенного имущества [4, с. 413; 8].

П. Матышевский полностью согласен с указанным мнением. Цель предупреждает преступление. При нарушении этого единства состав анализируемого преступления отсутствует. В случае обманного удержания вверенного виновному имущества нельзя деяния рассматривать как мошенничество. Здесь настолько расширяется понятие мошенничества, что оно по сути теряет свою конкретность и сливается с понятием присвоения и растратой [2, с. 76] (ст. 160 УК).

Мы не можем не согласиться с этим мнением одного из авторитетных исследователей института преступлений против собственности. Однако, на наш взгляд, все противоречия в трактовке этих двух видов мошенничества (с обманом, только путем злоупотребления доверием) возникают в связи с неудачной формулировкой определения мошенничества в законе. Мы не согласны с мнением некоторых авторов, что не нужно ограничивать мошенничество только диспозицией ст. 159 УК, а необходимо применять расширенное толкование понятия мошенничества, которое значительно выходит за пределы мошенничества, как состава преступления. Здесь мы полностью поддерживаем вышеуказанную точку зрения П. Матышевского о нецелесообразности распространения понятия мошенничества.

Между двумя видами мошенничества существуют значительные различия. С субъективной стороны обман отличается от злоупотребления доверием моментом формирования умысла, при обмане он возникает до получения имущества, а при злоупотреблении доверием – после. Мы согласны с С. Петровым, что этим злоупотребление доверием всегда было ближе к присвоению и растрате, нежели к

обману [3, с. 55-56]. Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые предлагают исключение из состава мошенничества злоупотребление доверием как способа совершения преступления [3, с. 56, 9, с. 115] и выделения его, как самостоятельного состава преступления против собственности в отдельную норму уголовного кодекса [5, с. 183; 10, с. 175].

Эта норма могла бы существовать как часть ст. 159 УК, так и в виде отдельной статьи Уголовного Кодекса Российской Федерации. В уголовных кодексах ФРГ (параграф 266), Швейцарии (ст. 140), Франции (ст. 314) выделяют преступное злоупотребление доверием в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния, когда присвоенные денежные средства, ценности или любое другое имущество было вверено (вручено) виновному при условии, что оно вернет их, предоставит или использует по назначению [4, с. 408-409] Сходные нормы имели место и в дореволюционном российском уголовном праве (уголовное уложение 1903 г., ст. 577-409).

На наш взгляд, «злоупотребление доверием» целесообразно определить как «использование доверительных отношений (личных, дружеских, родственных, семейных и т.д.), возникших ранее, с целью противоправного завладения чужим имуществом или правом на имущество». В то же время мы предлагаем определить мошенничество как «завладение чужим имуществом или правом на имущество путем обмана». Если учитывать лингвистическую характеристику понятия «мошенничества» («Словарь русского языка» С. Ожегова и «Словарь синонимов» А. Евгеньевой), то последнее достаточно ясно соотносится с обманом. Именно обман как неблагоприятные действия делает данный способ хищения узнаваемым и отличным от других. Поэтому мы согласны с Н. Третьяковой, что это ставит под сомнение выделения в качестве способа хищения путем мошенничества злоупотребления доверием, которое может рассматриваться как разновидность обмана [9, с. 115].

Список литературы:

1. Электронный журнал «Экономическая преступность сегодня» // [http:// econcrime.ru](http://econcrime.ru).
2. Матышевский П. Преступления против собственности и смежные с ними преступления / П. Матышевский. – М.: Проспект, 1996. – 240 с.
3. Петров С. Доверие как условие мошенничества / С. Петров // Уголовное право: научно-практический журнал. – 2015. – № 4. – С. 52 – 56.
4. Бойцов А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2002. – 773 с.
5. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. – М.: Антэй, 2000. – 288 с.
6. Попов К. Злоупотребление доверием при мошенничестве: Виктимологический аспект / К. Попов // Хозяйство и право: научно-практический журнал. – 2004. – № 9. – С. 128 – 132.
7. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (10-е изд. перераб. и доп.) / Ответст. Редактор А.И. Рарог. – М.: «Проспект», 2015. – 372 с.
8. Кукушкин Д.А. Способы совершения мошенничества // [www. Ygrclub.ru / docs / criminal / article81.html](http://www.Ygrclub.ru/docs/criminal/article81.html).
9. Третьякова Н. Лингвистическая характеристика понятия мошенничества: история и современность / Н. Третьякова // Уголовное право: научно-практический журнал. – 2015. – № 5. – С. 113–115.